

© М.В.ПОДДУБНЫЙ, 2017
УДК 355(051(091))

«Военно-медицинский журнал» и пушкинская эпоха

ПОДДУБНЫЙ М.В., кандидат медицинских наук, полковник медицинской службы запаса
(voen-med-journal@mtu-net.ru)

Редакция «Военно-медицинского журнала», Москва

Предметом статьи являются первые полтора десятилетия истории «Военно-медицинского журнала», пришедшие на так называемую «пушкинскую эпоху» в истории русской культуры. Перечислены публикации, сюжеты, а также имена врачей, имеющих отношение к поэту и его творчеству. Подтвержден вывод, что «Военно-медицинский журнал» вписан в контекст национальной культуры не только именами знаменитых медиков и их достижениями. Начальный период издания журнала совпал с золотым веком русской поэзии, и его страницы навсегда сохраняют для потомков отраженный свет пушкинской эпохи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Военно-медицинский журнал, Н.Арендт, И.Спасский, Ф.Шуллер, пушкинская эпоха, история военной медицины.

Poddubny M.V. — «Military Medical Journal» and the Pushkin era. The subject of the article are the first one and a half decades of the history of the Military Medical Journal, which took place in the so-called «Pushkin era» in the history of the Russian culture. Listed publications, stories, as well as the names of doctors who are related to the poet and his work. The conclusion is confirmed that the «Military Medical Journal» is inscribed in the context of the national culture with not only the names of famous physicians and their achievements. The initial period of the journal's publication coincided with the «golden age» of Russian poetry and its pages forever retain for the descendants the reflected light of the Pushkin era.

К е у в о р д s: Military Medical Journal, Arendt N., Spassky I., Shuller F., Pushkin's era, history of military medicine.

Сопоставление имени нашего великого поэта и медицинского периодического издания на первый взгляд не выглядит продуктивным. «Военно-медицинский журнал» издавался с 1823 г. и выходил в свет полтора десятилетия при жизни Пушкина, однако сведениями о том, что поэт держал его в руках, мы не располагаем.

Вместе с тем «Военно-медицинский журнал» — вплоть до 1833 г. единственное в России периодическое издание по медицине — печатался в «пушкинском» Петербурге и хранит на своих страницах имена некоторых знакомцев поэта. К тому же тема, вынесенная в заголовок, дает возможность говорить о наименее изученном начальном периоде истории журнала.

Первый адрес редакции связан с одним из зданий именно пушкинского Петербурга. Речь идет о т. н. «доме со львами» — особняке княгини Лобановой-Ростовской на Исаакиевской площади, куда

Медицинский департамент Военного министерства переехал летом 1824 г.¹ [3]. Осенью этого же года произошло знаменитое петербургское наводнение, художественно запечатленное в поэме «Медный всадник». Герой поэмы дважды оказывается у особняка Лобановой-Ростовской,

*Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...*

Среди знаменитых рисунков к поэме художника А.Н.Бенуа (1870–1960) есть и такой, где Евгений запечатлен перед крыльцом «дома со львами». Напомним:

¹ В июле 1824 г. в этом здании Военным министерством было нанято 114 комнат для размещения Провиантского и Медицинского департаментов, а также канцелярии военного министра [3].

А.Н.Бенуа. Из иллюстраций к поэме «Медный всадник». Нач. XX в.

в стенах этого здания во время петербургского наводнения (ноябрь 1824 г.) располагалась входившая в состав Медицинского департамента редакция «Военно-медицинского журнала».

Первый номер «*медицинского журнала для военных врачей*» (как значилось в рескрипте императора Александра I) увидел свет в начале 1823 г. Среди его авторов значились живописец и гравёр Степан Галактионов (1779–1854) и главный доктор Артиллерийского госпиталя Николай Арендт (1786–1859). Пройдет несколько лет, и Галактионов прославится своими иллюстрациями к пушкинским произведениям и портретами самого поэта², а ставший лейб-медиком Арендт будет оказывать помощь смертельно раненному на дуэли Пушкину.

Гравюра С.Галактионова в № 1 за 1823 г. служила иллюстрацией к статье Н.Арендта «О губчатом артериальном

желваке (aneurisma per anastomosisin) на правой стороне головы, исцеленном помощью перевязания сонной правой

Гравюра С.Галактионова в № 1 «Военно-медицинского журнала» за 1823 г.

² С.Ф.Галактионов — автор гравюр к «Кавказскому пленнику» (1824), «Братьям разбойникам» (1825), «Бахчисарайскому фонтану» (1826) и «Борису Годунову» (1828) [6].

артерии»³ и по формату (37×30 см) значительно превосходила журнальную страницу. Изображение сопровождала подпись на латыни: «С.Галактионов зарисовал с натуры и гравировал при руководстве Н.Арендта».

Еще одна гравюра Галактионова появилась в журнале спустя год. На этот раз иллюстрировалась статья профессора Петербургской МХА П.Н.Савенко (1796–1843), посвященная лечению аневризмы подключичной артерии – первой подобной операции, успешно выполненной в России⁴ (см. рисунок на с. 3 обложки номера). Обе гравюры Галактионова в «Военно-медицинском журнале» – настоящие шедевры русской медицинской графики. Впоследствии его страницы не раз украшались графическими сюжетами, но по художественному уровню, качеству исполнения и печати последующие оттиски уступали этим двум.

Высокое полиграфическое качество отличает все экземпляры журнала 1823–1829 гг. Начиная с № 2 за 1830 г. (когда издание перешло в типографию Иверсена) шрифт стал мельче, печать – бледнее, снизилось качество бумаги (при сохранении стоимости). Объяснение следует искать в том, что в январе 1828 г. скончался вице-директор Медицинского департамента Ф.Ф.Гейрот, редактировавший «Военно-медицинский журнал» с первого номера. Из-за его болезни и смерти перерыв в выходе номеров составил тогда около года.

По нашему мнению, именно Гейроту журнал был обязан помещением статей наиболее авторитетных и опытных военных врачей. Одним из таких «постоянных авторов» был кишиневский знакомый и собеседник Пушкина – старший доктор 16-й (затем 20-й) пехотной дивизии Фёдор Шуллер. По национальности венгр или немец, он как военный врач участвовал в наполеоновском походе, в России был взят в плен и остался здесь навсегда. Это был очень опытный

врач, поездивший по Европе и знавший много языков, побывавший с наполеоновской армией в Египте [2]. Пушкин познакомился с Шуллером в 1821 г., оба они состояли членами одной масонской ложи «Овидий», основанной в Кишинёве.

Статьи Шуллера в «Военно-медицинском журнале» выделяются оригинальным слогом, яркими клиническими примерами, практической направленностью. Первая из них появилась в 1824 г. и была посвящена эпидемии «глазного воспаления», свирепствовавшей в войсках в Крыму в 1820–1822 гг.⁵ Приводя примеры из собственной практики, автор в частности доказывал, что «крымское воспаление глаз» является отдельной нозологической формой и отличается от т. н. «египетского воспаления». «Что болезнь сия эндемическая, – пишет Шуллер, – одному Крыму свойственная, сие можно видеть на путешественниках, приехавших сюда здоровыми, из коих некоторые, если не будут соблюдать надлежащей осторожности, оною заражаются или подвергаются эндемическому слезотечению глаз, от коего освобождаются без всякого лечения одним действием натуры по выезде из сей страны»⁶.

Вскоре журнал в разделе «Хирургические замечания» начал публиковать статьи Шуллера, в которых он обобщал многолетние наблюдения из собственной практики. В трех материалах речь шла об операциях на кисти, в т. ч. разбирались варианты отнятия пястных костей⁷. Среди прочих приведен пример с мастером-серебряником в Херсоне, у которого «господа медики все единодушно согласились отнять всю кисть, тем более, что пястные кости видимо повреждены были костоедою»⁸. Несмотря на трудности (отсутствие анестезии), Шуллер выполнил пациенту сложную операцию, выпилив и удалив часть пораженной кости. В резуль-

³ Воен.-мед. журн. – 1823. – Ч. I, № 1. – С. 75–88.

⁴ Проф. Савенков. Описание излечения расширения подключичной боевой жилы чрез перевязывание сего сосуда // Воен.-мед. журн. – 1824. – Ч. III, № 1. – С. 33–77.

⁵ Дивизионный доктор Шуллер. О воспалении глаз, господствующем эндемически на Таврическом полуострове // Воен.-мед. журн. – 1824. – Ч. III, № 2. – С. 208–238.

⁶ Там же. – С. 215–216.

⁷ Воен.-мед. журн. – 1825. – Ч. V, № 1. – С. 66–75, 75–91; № 2. – С. 201–212.

⁸ Там же. – 1825. – Ч. V, № 1. – С. 81.

тате больной не только выздоровел, но и вернулся к своему ремеслу, оставшись кормильцем большой семьи. «Вот новое доказательство, — заключает Шуллер, — что всякой Хирург полное имеет право в подобных повреждениях пястных костей не вдруг приступать к отнятию ручной кисти, но, не смотря на жесткие и мучительные боли, стараться должен сохранить оную, тем более, что она необходима для пользы и благополучия человека. В приведенном случае сохранение руки избавило несколько человек от нищеты неизбежной»⁹.

Целую серию статей Шуллер посвятил различным опухолям суставов, как уточнялось в заголовке, «и операциям, кои мною по сему предмету были предпринимаемы»¹⁰. Разобрав в другой публикации нередкие в практике войскового врача повреждения черепа¹¹, он заключал: «Из всего сего следует неоспоримая истина, что вообще каждое повреждение черепа должно быть почитаемо подозрительным. Весьма предосудительны поступки некоторых Медиков, кои желая в подобных случаях кончить дело непременно одними только кровопусканиями, примочками, мазями и проч. и отвергая нож как средство варварское и жестокое, жертвуют жизнью несчастных страдальцев»¹².

Последней публикацией Шуллера в «Военно-медицинском журнале» стала статья «О чуме. Меры, употребленные для прекращения чумы в Карсе и его окрестностях»: изложение рациональных мер, принятых автором во время вспышки чумы, следствием чего стало скорое прекращение эпидемии¹³. А уже в следующем номере, в разделе «Официальные известия с 1 марта по 1 мая 1829 г.», жур-

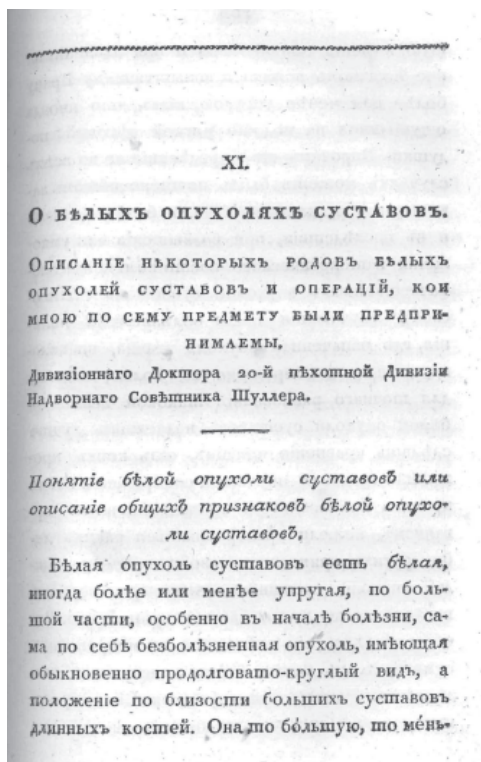
⁹ Там же. — С. 91.

¹⁰ Воен.-мед. журн. — 1825. — Ч. VI, № 2. — С. 184–216, 390–420; 1826. — Ч. VII, № 3. — С. 271–301; Ч. VIII, № 1. — С. 3–41; № 2–3. — С. 149–193; 1827. — Ч. IX, № 2. — С. 151–188; Ч. X, № 1. — С. 52–84; Ч. X, № 2–3. — С. 151–180.

¹¹ Дивизионный доктор Шуллер. Описание чрепо-сверления (trepanatio), произведенного после 8-месячного накопления гноеподобной слизи под лобною костью // Воен.-мед. журн. — 1826. — Ч. VII, № 2. — С. 137–171.

¹² Там же. — С. 170–171

¹³ Воен.-мед. журн. — 1829. — Ч. XIII, № 1. — С. 27–43.

Начало статьи Ф.Шуллера в «Военно-медицинском журнале». 1825 г.

нал лаконично сообщил о смерти «дивизионного доктора 20-й пехотной дивизии коллежского советника Шуллера»¹⁴.

Нам не удалось найти в архивах документов об этом военном враче, однако свидетельство очевидца сохранил один из журналов пушкинской эпохи. Некий боевой офицер сообщал из Армении, что в конце 1828 г. в Эриванской крепости вспыхнула эпидемия и число больных чумой вскоре превысило 300. «Но строжайшие, благоразумные меры, взятые опытным и неутомимым Доктором Шуллером, прибывшим в этот раз в Эривань, остановили и уничтожили действие чумы в два месяца! Честь и хвала Шуллеру: Эриванский гарнизон обязан ему спасением. Шуллер был давно уже известен твердым познанием медицины и всегда неутомимую своею деятельностью, особенно в распознавании чумы, замаскированной разными видами обыкновенных болезней. Но Шуллера нет! За юж-

¹⁴ Там же. — № 2. — С. 316.

ными воротами, на крутом, каменистом берегу Занги, в чумном отделении могильных бугров и он зарыт — без гроба! Из всего Эриванского гарнизона Шуллер был последнею жертвою чумы» [1].

Цитированные строки остаются своеобразной эпитафией военному врачу, честно служившему России и погибшему при исполнении долга. Но — не последней. Спустя годы Пушкин вспомнит «доктора Шуллера, умершего в чуме» в стихотворении 1833 г. «Надо помянуть, непременно помянуть надо».

Среди знакомых Пушкина был еще один врач, известный по многочисленным публикациям в «Военно-медицинском журнале». Профессор МХА Иван Тимофеевич Спасский (1795–1861) был близок к семье Пушкина в последние пять лет его жизни, лечил жену, детей и мать поэта.

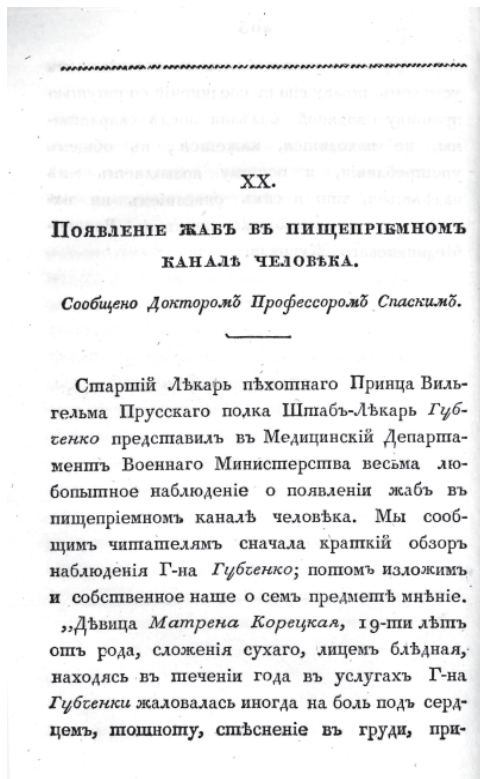
В свидетельствах учеников И.Т.Спасского он предстает популярным столичным врачом и лектором, владевшим особым даром слова (Н.Ф.Здекауэр), «доброй душой и при том человеком, не имевшим твердых убеждений» (Н.И.Пирогов) [2].

Близкий друг поэта К.К.Данзас в воспоминаниях отмечал, что Пушкин мало доверял Спасскому как врачу [4]. Авторами, писавшими на тему «Пушкин и медицина», это мнение игнорировалось [2] или же оспаривалось в качестве «ничем не мотивированного» [7].

На наш взгляд, в пользу пушкинского скепсиса может служить первая публикация Спасского в «Военно-медицинском журнале». Речь о статье «Появление жаб в пищеводе человека»¹⁵, где он выступил в роли комментатора пространного текста, полученного Медицинским департаментом из Динабурга от штаб-лекаря Губченко. Последний в своем «весьма любопытном наблюдении» описывал пациентку 19 лет, утроба которой в продолжение 7 дней исторгла более 20 живых жаб, которые даже «подходя ближе к горлу, пищали, квакали и возвращались в желудок обратно»¹⁶. Пересказав эту

¹⁵ Воен.-мед. журн. — 1827. — Ч. IX, № 3. — С. 404–427.

¹⁶ Там же. — С. 410.

Начало статьи И.Т.Спасского в «Военно-медицинском журнале». 1827 г.

историю, Спасский на полутора десятках страниц обосновывает «полное вероятие» такого случая, подкрепляя это множеством ссылок на авторитет античных и современных авторов. В этих умозрительных комментариях он предстает типичным натурфилософом: очевидно командировка от МХА «для ученых занятий» в Европу (1818–1822) не прошла для него даром.

В личности Спасского было что-то от героя пушкинской поэмы Ленского. Оба они «из Германии туманной» привезли «дух пылкий и довольно странный», «всегда восторженную речь» и т. д. Возможно, Пушкин имел основания относиться к молодому профессору с иронией, но он не пренебрегал обществом Спасского, поддерживал знакомство с его женой, приглашал его в качестве семейного врача.

Нет сомнения, что благодаря долгому пребыванию в европейских медицин-

ских центрах Спасский хорошо ориентировался в медицинской печати, был знаком с некоторыми из знаменитых врачей, свободно владел несколькими языками.

После первой курьезной публикации Иван Тимофеевич в «Военно-медицинском журнале» взял паузу. На его страницы он вернулся в 1833 г., будучи тогда же перемещенным с должности профессора кафедры зоологии и минералогии МХА на кафедру фармакологии с рецептурой и общей терапии, которую возглавлял до выхода в отставку в 1838 г. [5].

С начала 1833 г. Спасский полностью вел в журнале раздел «Смесь», представляя почти в каждом номере рефераты из немецких и французских медицинских журналов, нередко сопровождая их примерами из собственной врачебной практики. Следы его прежней натурфилософской умозрительности здесь почти не заметны. Такие обзоры под его пером иногда превращались в самостоятельные статьи, как например «О молоке вообще и кумысе в особенности»¹⁷, «Краткий очерк врачебных отношений бань»¹⁸ и др. Всего в «Военно-медицинском журнале» в 1833–1835 гг. за подписью И.Т.Спасского вышло 17 обзоров, в дальнейшем такие подборки публиковались без указания автора.

Спасский был среди врачей у постели смертельно раненного Пушкина и в 1837 г. составил запись о его последних днях [8]. Он же, вероятно, помогал В.И.Далю вскрывать тело поэта.

Среди врачей, боровшихся за жизнь Пушкина после дуэли, было несколько авторов «Военно-медицинского журнала». Двое из них — хирурги профессора МХА Х.Х.Саломон (1797–1851) и И.В.Буяльский (1789–1866) консультировали руководившего лечением Н.Ф.Арендта. Оба они публиковались в журнале с первых номеров практически ежегодно, формируя в 1820–1830-х гг. «хирургическую составляющую» издания.

Несколько реже публиковался в журнале Н.Ф.Арендт, о статье которого в первом номере 1823 г. мы уже говорили. Особый интерес вызывает его статья об успешном перевязывании подвздошной артерии в полости таза¹⁹. Операция 36-летнему пациенту была выполнена Арендтом в 1823 г. в присутствии нескольких столичных врачей. Материал с очевидностью показывает, что Арендт не только являлся опытным хирургом, но и имел успешный опыт проведения операций в области таза. Однако спустя 15 лет помочь раненому Пушкину он не мог: дуэльная рана поэта была слишком безнадежна для лечения.

Соавтором Х.Х.Саломона по изданию «Анатомо-патологических и хирургических таблиц грыж» (СПб, 1835) был упоминавшийся выше профессор МХА П.Н.Савенко, также неоднократно публиковавшийся в журнале. Известен он и как автор изящно изданной книги «Кавказские минеральные воды» (СПб, 1828) — одной из немногих медицинских книг на русском языке, бывшей в библиотеке Пушкина [2]. Интерес поэта к лечению на водах был связан с планом его неосуществившегося романа, действие которого должно было происходить на Кавказских водах. Этот интерес характерен и в целом для эпохи, отражением чего служит ряд статей «Военно-медицинского журнала»²⁰.

Еще одной темой, связанной с биографией и творчеством Пушкина, были эпидемии. Здесь комплект «Военно-медицинского журнала» также остается подспорьем для историков медицины и пушкинистов. Известно, что осенью 1830 и летом 1831 г. Пушкин буквально «жил

¹⁷ Воен.-мед. журн. — 1834. — Ч. XXIII, № 2. — С. 205–218.

¹⁸ Воен.-мед. журн. — 1835. — Ч. XXVI, № 1. — С. 41–59.

¹⁹ Арендт Н. История с успехом произведенного перевязывания подвздошной наружной артерии в полости таза, по случаю аневризмы в паху // Воен.-мед. журн. — 1824. — Ч. IV, № 1. — С. 79–97.

²⁰ См. напр.: Профессор Нелюбин. Новейшие известия о Кавказских минеральных водах и об открытии новых целительных источников в Большой Кабарде, с присоединением врачебных наблюдений, сделанных над кавказскими водами в последний курс 1823 года // Воен.-мед. журн. — 1824. — Ч. III, № 2. — С. 239–265; № 3. — С. 299–362.

под знаком холеры» [2]. Именно холере был полностью посвящен один из выпусков 1831 г. (ч. XVIII. — № 2), включивший отчеты о средствах против холеры в Петербурге, наблюдения и замечания медиков об эпидемии, протоколы вскрытия умерших от холеры и др. К этой теме журнал обращался неоднократно²¹.

Приведенные примеры еще раз подтверждают: «Военно-медицинский журнал» вписан в контекст национальной культуры не только именами знаменитых медиков и их достижениями. Начальный

период его издания совпал с золотым веком русской поэзии, и страницы «медицинского журнала для военных врачей» навсегда сохраняют для потомков отраженный свет пушкинской эпохи.

²¹ Генерал-штаб доктор *Реман*. Появление Восточной холеры на Средиземноморском и Каспийском море // Воен.-мед. журн. — 1824. — Ч. III, № 1. — С. 3–14; № 2. — С. 159–193. О холере. Из сочинения английского хирурга Серла, наблюдавшего сию болезнь в Ост-Индии // Воен.-мед. журн. — 1831. — Ч. XVIII, № 1. — С. 33–52 и др.

Литература

1. Взятие Арзерума (письма из Армении) // Московский телеграф. — 1830. — № 2. — С. 146–147.
2. *Громбах С.М.* Пушкин и медицина его времени. — М.: Медицина, 1989. — С. 47–49, 58–62, 84–85, 199.
3. *Микишатъев М.Н.* История дома со львами // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. — Вып. VI. — СПб, 2003. — С. 236, 243.
4. Последние дни жизни и кончина

А.С.Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К.Данзаса. — СПб, 1863. — С. 31.

5. Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1798–1998). — СПб: Наука, 1998. — С. 83.
6. *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. — Изд. 2-е. — Л.: Наука, 1988. — С. 92.
7. *Шубин Б.М.* Дополнение к портретам. — М.: Знание, 1985. — С. 70.
8. *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. — 3-е изд. — М; Л., 1928. — С. 202–204.

По страницам «Военно-медицинского журнала» прошлых лет

190 лет назад

Теперь, чтобы вполне объяснить сие явление, надлежит сперва отличить собственно возгорание от повода к возгоранию или от причины воспламеняющей, которая, как всякий видит, становится здесь непременно условием; ибо в здоровом состоянии тело человеческое принадлежит к телам весьма трудногораемым. Вялость тела, при которой самовозгорания преимущественно случаются, часто бывает следствием возраста, болезней, недеятельной жизни и невоздержности. Злоупотребление крепких напитков, а особливо водки, ослабляя всасывающую систему, может быть причиною образования и накопления воспламеняющегося вещества, которое, имея способность не изменяться от прикосновения с жидкими частями, свободно проникает по всему телу и накапливается в большем или меньшем количестве, смотря от разности устройства частей тела. Само собою разумеется, что это вещество должно быть газообразное: ибо иначе самовозгорания объяснить не возможно...

(О человеческом самовозгорании. Переведено с французского штабс-капитаном Гелингом // Воен.-мед. журн. — 1827. — Ч. IX, № 1. — С. 114–115).

180 лет назад

Средство против ужаления ос и пчел. В руку одного аптекаря, в Дургаме, ужалила довольно большая оса. Не смотря на скорое и сильное возрастание припадков, он не мог ужаленную руку свою тотчас устранить, и потому она прикоснулась к поташу. Следствием сего было мгновенное прекращение всех болей. Изумленный столь неожиданным успехом, аптекарь этот решился, на другой день, добровольно подвергнуться ужалению пчел, после чего, опустив несколько капель раствора поташа на рану, тотчас почувствовал совершенное облегчение. Произведши потом многие опыты, он нашел, что ядовитая жидкость осы, подобно ядовитой жидкости других пресмыкающихся (Reptilia), имеет кислые свойства, и отсюда объясняется мгновенное облегчение, доставляемое раствором поташа. Не бесполезно было бы повторение этих опытов...

(Переведено из Schmidt's Jahrb. (1837. — Hf. 2, N 11)
// Воен.-мед. журн. — 1837. — Ч. XXX, № 1. — С. 155—156).

150 лет назад

В настоящее время путешествие с научною целью не составляет редкости для русского врача. И потому мое желание напечатать отчет о путешествии могло бы показаться неуместным, если бы вопрос об улучшении военно-санитарных учреждений, снова возбужденный у нас со времени американской войны, не придавал интереса каждому известию с поля битвы, особенно в глазах читателей Военно-медицинского журнала... В этой статье я намерен передать результат наблюдений, собранных мною в течение шестинедельной напряженной деятельности в прусских военных лазаретах. С тех пор, как раненый солдат сделался предметом врачебных попечений, нельзя уже сомневаться, что хирургическая наука совершенствуется на поле битвы. Весьма важные для хирургии вопросы были не только предложены, но и решены в полевых лазаретах...

(Бергман Эрнст*. Военно-хирургические афоризмы
// Воен.-мед. журн. — 1867. — Ч. ХСVIII, № 1. — С. 119).

Лазаретная деятельность полкового медика не отличается такою обширностью и разнообразием, как госпитальная, но тем не менее она заслуживает полного внимания по своей самостоятельности и свободе действий. В этом отношении интерес ее стоит несравненно выше госпитальной службы, где постоянный контроль убивает в молодом враче всякое стремление разрешить путем опыта то или другое научное недоумение, ту или другую темную сторону знания. В госпитале врач ни на минуту не может быть уверен, что назначенное им средство или способ лечения останутся без изменения... Ничего этого не бывает в лазарете, особенно если он в отделе, врач там полный господин. Все порядки по устройству лазарета, все успехи и неудачи в лечении, — все ложится на его честь, за все отвечает он один. Понятно, что такая обстановка дает большой простор самолюбию молодого врача, она будит в нем все нравственные силы, родит энергию, словом, перерождает его совершенно. Тогда только он пускает в оборот все свои знания, все свои заветные идеи и действует неутомимо, зная наперед, что он один на глазах у совести и общества. Тогда только можно видеть его, каков он есть на самом деле и чего стоит; вне этого он действует разве на половину...

(Трескин Ф. Лазаретные заметки // Воен.-мед. журн. — 1867. — Ч. ХСIX, № 7. — С. 218—219).

* Эрнст Бергман (1836—1907) — выдающийся хирург, основоположник асептики, автор классических трудов по военно-полевой хирургии. В момент написания статьи — ассистент хирургической клиники Дерптского университета.